

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

В. В. Марьина

**Последний президент
социалистической Чехословакии
Густав Гусак
путь к одиночеству
(1913–1991)**

Нестор-История
Москва — Санкт-Петербург
2019

УДК 929+94(437) “1913–1991”

ББК 63.3(0)63

М25

Рецензенты

доктор исторических наук *Е. П. Серапионова*

доктор исторических наук *О. Г. Назаров*

Предпечатная подготовка

к.и.н. *А. К. Александрова*

Редактор

Л. А. Авакова

Дизайн обложки

П. К. Донской

Марьина В. В.

М25 Последний президент социалистической Чехословакии Густав Гусака: путь к одиночеству (1913–1991). — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. — 344 с.

ISBN 978-5-4469-1620-7

Густав Гусака — последний коммунистический президент Чехословакии. В книге показан его жизненный путь, начиная с детства и заканчивая уходом из жизни. Монография основана на архивных материалах, в том числе и из личного архива ее автора, советских (российских) и чехословацких (чешских и словацких) документальных публикациях, включая выступления и статьи Г. Гусака, а также на известной автору российской, чешской и словацкой литературе. Рассмотрены все этапы биографии Г. Гусака: юность, учеба, вступление в коммунистическую партию, участие в Словацком национальном восстании, обвинение в «словацком буржуазном национализме», реабилитация и возвращение в политику, участие в разработке закона о федерализации Чехословацкой республики, отношение к событиям августа 1968 г. и участие в московских переговорах о нормализации положения в Чехословакии, деятельность на постах руководителя Коммунистической партии Чехословакии, а затем президента ЧССР, уход в отставку и жизнь после нее.

Особое внимание автор уделяет позиции Г. Гусака в решении словацкого вопроса в Чехословакии и его отношению к СССР.

УДК 929+94(437) “1913–1991”

ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-4469-1620-7

9 785446 916207

© В. В. Марьина, 2019

© П. К. Донской, дизайн обложки, 2019

© Институт славяноведения РАН, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

ГЛАВА 6

ОБВИНЕНИЕ В БУРЖУАЗНОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

«Острый курс» против реакции

В феврале 1948 г. в Чехословакии был, по сути, установлен коммунистический режим, декорированный обновленным Национальным фронтом, в который помимо КПЧ входили поддерживавшие ее малочисленные партии. После отставки президента Э. Бенеша этот пост в ЧСР занял первый секретарь ЦК КПЧ К. Готвальд, пользовавшийся доверием Москвы и получавший советы кремлевских лидеров по всем важным вопросам. В стране началось строительство социализма по советскому образцу. 9 мая 1948 г. Национальное собрание приняло новую конституцию, в которой были закреплены все осуществленные к тому времени в Чехословакии преобразования, провозглашен переход всей власти в руки рабочего класса, опирающегося на союз с крестьянством и остальными слоями трудящихся, заявлено о суверенитете трудового народа в государстве, равенстве в правах всех граждан. Говорилось также о равноправии чешского и словацкого народов, что, мягко говоря, как показано выше (см. гл. 5), являлось лукавством, поскольку идея федеративного устройства Чехословацкой республики была отвергнута Прагой, а права словацких национальных органов урезаны из-за опасений словацкого сепаратизма. Руководствуясь «теорией» об обострении классово-вой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, власти объявили о начале «острого курса против реакции» и подавили в самом зародыше сопротивление коммунистическому диктату¹.

Курс на ускоренное строительство социализма «со сталинским лицом» в немалой степени стал результатом роста международной напряженности, усиления противостояния СССР — Запад, а также обострения взаимоотношений внутри советского блока, приведшего в июне 1948 г. к исключению из него Югославии. Председатель КПЮ Й. Б. Тито был под давлением Москвы заклеймен коммунистическим сообществом как правый оппортунист, пособник мирового империализма, англо-американский шпион и т. д. «Правооппортунистический уклон» тогда же был «обнаружен» и в Польской рабочей партии (В. Гомулка). В странах советской сферы влияния начался поиск врагов в собственных рядах, не говоря уж о гонениях

---

¹ Подробнее см.: *Марьина В.В.* Строительство социализма «со сталинским лицом» // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. М., 2005. Кн. 2. С. 89–134.

на «реакционеров» всех мастей. Однако вовсе не стоит представлять дело так, что за все случившееся в ЧСР и других европейских странах советского блока в первой половине 1950-х гг. нес ответственность исключительно Советский Союз. Политика Москвы, по мнению ряда российских исследователей, «была в высшей степени прагматичной, соотносилась с конкретными историческими реалиями и не сводилась к примитивному политическому диктату. Коммунистические лидеры стран Восточной Европы выступали единомышленниками советского руководства, а вовсе не статистами [...]. Для Сталина определяющими были интересы формировавшегося советского военно-политического блока. Для лидеров восточноевропейских компартий, внутри которых шла непрерывная борьба за место на партийном Олимпе, [...] во многом определяющим становилось сохранение личной власти. Последнее можно было обеспечить лишь в союзе со Сталиным»². С этим утверждением, основанным на изучении материалов российских архивов, можно согласиться.

Укрепляя занятые в феврале 1948 г. позиции, руководство КПЧ выступило за ее слияние с КПС, которая до этого (с 1939 г.) была самостоятельной. При этом словацкая партийная организация сохранила свое название Коммунистическая партия Словакии. ЦК КПС был подчинен ЦК КПЧ, в состав которого кооптировались 25 членов и кандидатов ЦК КПС. В расширенный президиум ЦК КПЧ были введены словаки: Вилиам Широкий, Юлиус Дюриш, Штефан Баштеванский, Густав Гусак и Владимир Клементис, занимавшие в то время высокие партийные и государственные посты³. Официально декларированная «руководящая роль» компартии потребовала некоторой реструктуризации ее аппарата. В состоявшем из 27 членов президиуме ЦК КПЧ было создано в целях оперативного принятия решений «узкое руководство», в которое кроме К. Готвальда вошли А. Запотоцкий (глава правительства), В. Копецкий, Р. Сланский, В. Широкий и др. В этом узком кругу и принимались важные решения. Последнее слово всегда принадлежало К. Готвальду. Начал действовать и «узкий секретариат» ЦК КПЧ. Его генеральный секретарь Р. Сланский являлся, по существу, связующим звеном между президентом страны, председателем КПЧ К. Готвальдом и партией. Национальный фронт, необходимость сохранения которого настойчиво подчеркивала КПЧ, приобретал все более «фасадный» характер. Постепенно утверждалось представление, что компартия, конечно, при учете позиций Москвы, может единовластно решать все вопросы внутренней и внешней политики страны. «Культ личности», признаки которого обозначились еще в дофевральский период, принимал все более четкие формы и повсеместный

² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 17.

³ Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 / Ed. M. Vartíková. Bratislava, 1971. S. 699–704, 713–715, 752–754.

характер. Это относилось не только к руководителям партии, в частности, Готвальду, Сланскому, Широкому, но и к функционерам местного масштаба.

Москва внимательно следила за деятельностью компартий в странах советского блока, анализировала ее и подвергала критике⁴. Руководство КПЧ, в частности, как свидетельствуют документы Архива внешней политики РФ, реагировало на эту критику развертыванием самокритики и заявлениями о необходимости изучения, популяризации и использования опыта ВКП(б) при строительстве социализма в Чехословакии⁵. На совещании Коминформа в Бухаресте в июне 1948 г., принявшем резолюцию о Коммунистической партии Югославии, компартии получили указание, в каком направлении следует развивать дальнейшую деятельность. А именно: усилить борьбу против реакции, действующей заодно с англо-американским империализмом, искоренять националистические настроения в собственных рядах, переходить к строительству «основ социализма». Выступая на совещании краевых секретарей КПЧ в сентябре 1948 г., Р. Сланский говорил: «Мы все сразу после Февраля глубоко не осознали ленинско-сталинское учение о том, что переход от капитализма к социализму — это длительный этап, который сопровождается не утиханием классовой борьбы, а ее непрерывным обострением, как нам напоминает резолюция Информбюро по югославскому вопросу». Генеральный секретарь ЦК КПЧ заявил, что против реакции следует применять «острые административные меры»⁶. Подобные взгляды разделял и Готвальд. В сентябре-октябре 1948 г. он находился на отдыхе в Крыму, где несколько раз встречался со Сталиным. Там, по всей видимости, и был согласован алгоритм строительства социализма в ЧСР. «К. Готвальд в восхищении от встречи с т. Сталиным», «Готвальд не только глубоко уважает т. Сталина как своего учителя, но он всем сердцем любит его. К. Готвальд часами рассказывает о встречах с тов. И. В. Сталиным», — говорилось в справке советского посольства в Праге от 12 ноября 1948 г.⁷ «Острый курс» против реакции предполагал наведение «коммунистического порядка» во всех сферах жизнедеятельности государства. Большую роль при этом играл институт советских советников. Документы российских архивов свидетельствуют, что руководство Чехословакии, как и других стран советского блока, многократно обращалось к советскому правительству и лично

⁴ «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», подготовлено Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в апреле 1948 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 44–73 (далее РГАСПИ). Оpubл. в: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М; Новосибирск, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 831–858 (далее ВЕДРА).

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 7. Л. 65, 76; П. 147. Д. 9. Л. 3–4, 15, 94, 119, 151–152, 159–160 (далее АВП РФ).

⁶ Kaplan K. Utváření generální linie výstavby socialismu v Československu. Praha, 1966. S. 111–112.

⁷ ВЕДРА. Т. 1. С. 931.

Сталину с просьбами о присылке советников для оказания помощи в перестройке по московским лекалам всех сфер государственной жизни, в том числе для «улучшения» деятельности органов госбезопасности. Москва охотно откликнулась на эти просьбы⁸. В ЧСР Министерство национальной безопасности, выделенное из состава МВД, возглавил Л. Копржива. Помощь в налаживании деятельности нового министерства оказывали советники Н. И. Макаров и М. Т. Лихачев, присланные из Москвы по просьбе чехословацкой стороны. Они же помогали при организации первых политических процессов в Чехословакии⁹. К этому времени советское руководство располагало сведениями о наличии в КПС националистической группировки. Об этом сообщал в Москву руководитель венгерской компартии Матиас Ракоши, что следует из его письма И. В. Сталину в сентябре 1948 г. В нем говорилось, что КПС разложилась на фракции, одну из которых возглавляет председатель КУ Г. Гусак. «В эту фракцию, — писал Ракоши, — входят Клементис, Новомеский и вообще словацкая интеллигенция и студенчество. Фракция имеет резко националистический, антисемитский, антивенгерский характер»¹⁰. Но Москва пока не давала указаний о принятии карательных мер против указанных лиц, а Готвальд не торопился с этим.

Более решительно действовал В. Широкий. Недолюбливавший, мягко говоря, «молодого выскочку» Г. Гусака, Широкий чрезвычайно критически относился к его деятельности и стремился оттеснить со всех значимых постов. Об опасности мелкобуржуазного национализма, поразившего руководящие органы партии и препятствовавшего движению по пути к социализму, Широкий говорил уже на заседании ЦК КПС 27–28 сентября 1948 г. Он заявил, пока в общей форме и безадресно, что «проблема националистических уклонов становится сегодня большой опасностью» и что руководящие органы партии не убереглись от мелкобуржуазного национализма. В скором времени термин «мелкобуржуазный» в характеристике национализма был заменен более жестким определением «буржуазный». Под этим понималось «приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистической политике буржуазии». Исправить положение, как рекомендовалось в одном из приветствий, направленных заседанию ЦК КПС, следовало путем проведения «ясной большевистской линии», «очищения руководящих постов партии и вообще общественной жизни от уклонистов и оппортунистов»¹¹. Вскоре эти предложения стали претворяться в жизнь.

⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002. С. 61–62 (далее: СФВЕ); *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953... С. 613–651.

⁹ *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. Praha, 1993. S. 272–280.

¹⁰ Цит. по: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953... С. 532.

¹¹ *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty...* S. 710–711, 735.

Выступление Гусака на указанном заседании ЦК КПС было посвящено решению венгерского вопроса в ЧСР. При этом он подчеркнул значимость ленинского учения по национальному вопросу и указал на необходимость действовать «по классово́й, а не по национальной линии»¹². У Гусака, правого коммуниста, тогда не было никаких разногласий с курсом, взятым партией. Об этом свидетельствуют его выступления на партийных форумах и в печати. Например, понятие патриотизма Гусак тесно увязывал с идеей пролетарского интернационализма¹³, а образец, которому следует подражать при строительстве социализма, видел в Советском Союзе, высоко оценивая значение советско-чехословацкого договора 1943 г., когда в ЧСР отмечалась его пятая годовщина¹⁴. В статье, посвященной годовщине февральских событий 1948 г. в стране («Nové slovo», 18.II.1949), Гусак снова обрушился на Демократическую партию, обвиняя ее в реакционности и подрывной деятельности против Чехословакии¹⁵. Когда КПЧ выдвинула задачу перехода деревни к социализму, Гусак решительно поддержал этот курс, отметив необходимость его поэтапного проведения и работы по убеждению крестьянства в выгодах социалистического кооперирования сельского хозяйства¹⁶. Действительные причины репрессий, начавшихся вскоре против Гусака, крылись не в его взглядах, а в описанных выше внешнеполитических обстоятельствах (советско-югославский конфликт и начавшиеся вслед за этим поиски врага внутри компартий стран советского блока) и положении дел в руководстве КПС, т. е. неприязненном отношении к Гусаку со стороны В. Широкого.

Новым импульсом к подготовке процессов по делам так называемых буржуазных националистов, троцкистов и правых оппортунистов послужило третье совещание Информбюро в Будапеште (ноябрь 1949 г.), на котором была принята резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» и обсуждался вопрос о мерах руководства компартий по активизации борьбы против «клики» Тито. Эта борьба, как указывалось в резолюции, «становится интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»¹⁷. От КПЧ на совещании в Будапеште присутствовали Р. Сланский, В. Широкий и Л. Копржива. В печати ЧСР широкую огласку получили «дела» К. Дзодзе (Албания), Л. Райка (Венгрия), Т. Костова (Болгария), В. Гомулки (Польша), Л. Патрашкану (Румыния). Процесс «чистки» собственных рядов в КПЧ развернулся не сразу, а набирал силу постепенно. Готвальд, как свидетельствуют документы, проявлял больше скептицизма в указанном вопросе, а Сланский и Широкий оказались более решительными. Сталинская «теория» об обострении классово́й борьбы в период перехода

¹² *Husak G. Z bojů o dnešek. 1944–1950. Praha, 1973. S. 488–493.*

¹³ *Ibid. S. 494–501.*

¹⁴ *Ibid. S. 502–513.*

¹⁵ *Ibid. S. 514–523.*

¹⁶ *Ibid. S. 541–553.*

¹⁷ Совещание Информационного бюро коммунистических и рабочих партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М., 1949. С. 23–27.

от капитализма к социализму и его строительства трансформировалась после создания Коминформа в тезис о проникновении классовых врагов в руководящие органы компартий. В первой половине 1949 г. в компартиях Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, т. е. стран, входивших в сферу советского влияния, «буржуазные националисты», «пособники англо-американского империализма», «титовские агенты» или уже были «разоблачены», или шла активная подготовка к этому. Чехословакия оказалась в числе «отстающих». М. Ракоши во время визита в Прагу 21–24 июня 1949 г. передал К. Готвальду список 65 чехословацких граждан — «англо-американских шпионов», якобы связанных с «делом Райка». В Венгрии в это время шла подготовка процесса по этому делу: министр иностранных дел Ласло Райк был обвинен в буржуазном национализме, шпионаже и заклеен как «титовский агент». В «списке Ракоши» среди прочих значились и два члена политбюро ЦК КПЧ: министр внутренних дел В. Носек и министр иностранных дел В. Клементис. Оба в годы войны находились в Лондоне. В шпионаже подозревались и многие другие видные деятели КПЧ, в том числе и большая группа словацких политиков, среди которых находился и Г. Гусак. Готвальд сначала не поверил, что «старые заслуженные члены партии могут быть шпионами». Полагая, что «Райка у нас нет», руководитель КПЧ, тем не менее, обещал провести собственное расследование¹⁸. Тогда Ракоши посоветовал Готвальду обратиться за помощью в Москву. Тот внял совету и попросил прислать «нескольких специалистов, которым известны результаты судебного расследования в Венгрии и которые помогли бы нам провести расследование в таком же деле»¹⁹. Ответ был положительным. Упомянутые выше Лихачев и Макаров, «помогавшие» в конструировании «дела Райка»²⁰ в Венгрии, были откомандированы в Прагу. Здесь сразу начались «разоблачения» внутренних врагов в КПЧ и последовали аресты ряда видных партийных деятелей. Среди них были заместитель министра внешней торговли Е. Лебл, шеф-редактор «*Rudé právo*» В. Новы, советник по экономическим вопросам председателя правительства М. Рейман. Из них-то и «выбивались» показания о наличии в Чехословакии «буржуазно-националистической группы заговорщиков» и принадлежности арестованных к ней. Но все это были фигуры «мелкого масштаба». И взгляд «расследователей» все более фокусировался на личности министра иностранных дел ЧСР словаке Владимире Клементисе и его окружении. Создавшемся положением не преминул воспользоваться В. Широкий для избавления от своих конкурентов в руководстве КПС.

Поиски врагов в рядах чехословацкой компартии набирали обороты. Февральский (1950 г.) пленум ЦК КПЧ, по словам советского дипломата

¹⁸ ВЕДРА. Т. 2. С. 171, 219–224; СФВЕ. Т. 2. С. 286.

¹⁹ *Kinčok B. Činnosť Štátnej bezpečnosti proti Gustávovi Husákoví v rokoch 1948–1950 // Kinčok B. a kol. Gustáv Husák a jeho doba. Bratislava, 2015. S. 207.*

²⁰ Суд над Л. Райком и его «сообщниками» состоялся в Будапеште 16–24 сентября 1949 г.

П. Крекотеня, «явился поворотным пунктом в постановке вопроса о борьбе за чистоту рядов партии, о повышении бдительности, о развертывании критики и самокритики». Ранее, по словам дипломата, руководство компартии проводило в отношении Клементиса «либеральную политику». В справке Крекотеня говорилось и о реакции партактива на решения пленума: большинство расценивало их как «повышение бдительности в рядах партии» и одобряло назначение Широкого министром иностранных дел²¹. Р. Сланский в беседе с советским послом в Праге М. А. Силиным 31 марта 1950 г., характеризуя февральский пленум 1950 г., заявил, что в доклад Готвальда вошли «все указания тов. Сталина», что решения пленума являются по существу «оформлением указаний, которые Сланский, находясь в Москве²², получил от ЦК ВКП(б)»²³. Он проинформировал Силина и о предстоящем пленуме ЦК КПС, на котором планировалось обсудить вопрос о националистических тенденциях в компартии и о позициях Гусака и Новомеского. «О Шмидке пока разговора не будет в связи с тем, — сказал Сланский, — что он — выходец из рабочих, его социальное прошлое не столь опасно, как у Клементиса»²⁴, который происходил из семьи интеллигентов. Р. Сланский, Ю. Дюриш и В. Широкий проявили особую активность в поисках врага внутри партии. Готвальд, в конце концов, отказался от сдержанной позиции в этом вопросе. Лихачев и Макаров в отчете о пятимесячной деятельности в Чехословакии (16 марта 1950 г.) объяснили это так: «Только при последней нашей встрече с товарищем Готвальдом, когда мы информировали его о новых показаниях арестованных, товарищ Готвальд почувствовал, как это было заметно по его поведению, что материалы о преступной деятельности Клементиса и отсутствие решения по ним станут через нас известными в Москве, — заявил, что эти материалы они обсудят и примут соответствующее решение»²⁵.

В повестку дня заседания президиума ЦК КПЧ 13 марта 1950 г. в качестве первого пункта было включено рассмотрение вопроса о деле Клементиса (докладчик Л. Копржива). Министр иностранных дел ЧСР был обвинен в буржуазном национализме и подвергнут острой критике. На следующий день тоже в Праге состоялось заседание президиума ЦК КПС, на котором выступил опять Л. Копржива. Участвовавший в заседании Гусак выразил удивление по поводу услышанного, но в целом его выступление носило, по мнению словацкого историка Б. Кинчока, нейтральный характер. В конце Гусак заявил, что считает решение партии «справедливым и взвешенным» и что оно «может способствовать укреплению партии и стать примером

²¹ СФВЕ. Т. 2. С. 301–306.

²² Р. Сланский в 1950 г. несколько раз приезжал в Москву. Поездка в феврале, по всей вероятности, была связана с делом Клементиса. См.: СФВЕ. Т. 2. С. 352. Прим. 2.

²³ ВЕДРА. Т. 2. С. 327.

²⁴ СФВЕ. Т. 2. С. 290. Прим. 2.

²⁵ Там же. С. 288.

бдительности». Сам Гусак на обоих указанных заседаниях пока избежал критики²⁶.

14 марта 1950 г. В. Клементиса, выступившего с острой самокритикой, несмотря на это, сняли со всех постов и объявили «чехословацким Райком», задачей которого якобы было «вывести Чехословакию из-под влияния Советского Союза и включить в западный империалистический блок»²⁷. Министром иностранных дел ЧСР стал В. Широкий. Одновременно продолжался сбор компромата на Г. Гусака, который постепенно в материалах органов государственной безопасности становился центральной фигурой «буржуазно-националистической группировки» в Словакии и подвергался все большей критике со стороны высших партийных органов. Первый серьезный удар по Гусаку был нанесен в апреле 1950 г., когда на заседании президиума ЦК КПС В. Широкий прямо указал на Гусака и Новомеского как на «носителей буржуазно-националистического уклона в КПС». Оба упомянутых политика выступили с самокритикой, хотя Гусак попытался опровергнуть некоторые обвинения и объяснить свои действия, связанные, главным образом, с его прошлым. Самокритика была признана недостаточной, и в связи с этим поставлен вопрос о возможности дальнейшего пребывания обоих политиков на занимаемых ими постах. 2 мая 1950 г. правильность таких решений подтвердил и президиум ЦК КПЧ. Но пока и Гусак, и Новомеский оставались членами президиума ЦК КПС и членами ЦК КПС и ЦК КПЧ, а также депутатами Национального собрания ЧСР и СНС²⁸.

На IX съезде КПС, состоявшемся в Братиславе 24–27 мая 1950 г., с основным докладом выступил В. Широкий, подвергший Клементиса, Гусака, Новомеского и Шмидке жесткой критике за «буржуазно-националистический уклон». Все они снова выступили с самокритикой своей деятельности на государственных и партийных постах. Никто из троих (Гусак, Новомеский, Шмидке) не был избран на съезде членом ЦК КПС, но вплоть до своего ареста в 1951 г. Гусак и Новомеский оставались членами ЦК КПЧ. В. Широкий в беседе с Силиным оценил выступления Клементиса и Шмидке как «глупые», заявив, что они не понимают, «в чем смысл этой борьбы». Новомеского Широкий считал человеком «честным, но заблуждающимся». О Гусаке, которого, по словам Силина, он «лично не любит, даже не терпит», Широкий говорил «сдержанно», но считал его речь «удовлетворительной» и полагал, что Гусак и Новомеский «еще могут доказать на практической работе, способны ли они понять марксистско-ленинскую теорию по национальному вопросу»²⁹. В справке генерального консула СССР в Братиславе Н. Г. Новикова от 11 июня 1950 г. констатировалась «не достаточно принципиальная постановка вопроса о буржуазном национализме, его сведение к личностям

²⁶ *Kinčok B. Činnosť Štátnej bezpečnosti proti Gustávovi Husákoví... S. 227.*

²⁷ СФВЕ. Т. 2. С. 286–287.

²⁸ *Kinčok B. Činnosť Štátnej bezpečnosti proti Gustávovi Husákoví... S. 228–231.*

²⁹ ВЕДРА. Т. 2. С. 350–352.

Г. Гусака, Л. Новомеского и К. Шмидке, националистические ошибки которых имели античешскую направленность». Тем самым, якобы на втором плане оказалось осуждение антисоветских ошибок В. Клементиса, хотя этот «вопрос по важности и актуальности не уступает первому, а превосходит его»³⁰.

Позже, во время его реабилитации, Гусак оценивал IX съезд КПС как полностью срежессированный Широким и его окружением. Произнесенный им доклад, который назывался «Отчет ЦК и дальнейшие задачи партии», не был предложен ни ЦК КПС, ни даже его президиуму для обсуждения и одобрения. Эти высшие партийные органы не были также ознакомлены с проектом нового состава ЦК КПС и его президиума, которые предстояло избрать съезду. Все это было сделано, по утверждению Гусака, Широким и небольшим кругом его людей, как и организованная по докладу дискуссия. Тексты выступлений заранее выбранных ее участников предварительно проверялись и редактировались. «Это была не критика, призванная помочь партии и товарищам, а политическая казнь четырех ведущих функционеров партии [...]. Это была политическая и психологическая подготовка ко второму этапу: аресту и преданию суду», — писал Г. Гусак 1 мая 1963 г. в ЦК КПЧ³¹.

После съезда Гусаку предложили должность заведующего сельскохозяйственным отделом секретариата ЦК КПС, и он в соответствии с линией партии активно поддерживал идею социалистического кооперирования деревни³². Новомеский получил пост председателя Словацкой академии наук и искусств, Шмидке, до того заведовавшего отделом кадров ЦК КПС, назначили директором одного из братиславских заводов³³. Через два года после этого он скончался.

Арест, тюрьма, суд, снова тюрьма

Сбор компромата на «повстанческое руководство КПС» между тем продолжался. В мае 1950 г. в Чехословакию прибыла новая группа советников МГБ СССР во главе с В. А. Боярским. При их содействии в стране начались массовые карательные акции, направленные против высоких партийных функционеров и государственных служащих. Общее число арестованных на 1 января 1951 г., согласно сообщению, направленному советским посольством в Праге А. Я. Вышинскому, составляло 895 человек, в том числе за шпионаж — 247, участие в националистических, троцкистских и других подпольных организациях — 129, за прочую антигосударственную деятельность — 281, за саботаж — 100, за антигосударственную агитацию

³⁰ Kinčok B. Činnosť Štátnej bezpečnosti proti Gustávovi Husákoví... S. 233.

³¹ Husák G, Bratislava, ul. Obrancov mieru 10a. Žiadosť o úplnú stranícku rehabilitáciu. Bratislava, 1. Mája 1963. Súdr. Ústredný výbor KSČ v Prahe. S. 93 // Машинописный текст (144 с.). Копия. Личный архив автора.

³² Husák G. Z bojů o dnešek. 1944–1950... S. 563–574.

³³ ВЕДРА. Т. 2. С. 350–352.

и пропаганду — 80 и т.д.³⁴ Аресты продолжались и далее. На заседании ЦК КПЧ 29 января 1951 г. была создана политическая комиссия в составе: К. Готвальд, Р. Сланский, Л. Копржива, А. Запотоцкий плюс В. Широкий при рассмотрении словацких дел. Руководство ЧСР по-прежнему обращалось к Москве за помощью в организации борьбы с внутренними врагами строительства социализма. Запотоцкий и Широкий, отпуская комплименты в адрес советской Генеральной прокуратуры, являющейся, по их словам, «одной из самых важных гарантий соблюдения социалистической законности и укрепления государственной дисциплины», писали в Москву в феврале 1952 г. о необходимости создания в Чехословакии генеральной прокуратуры советского типа и переустройстве судопроизводства по советскому образцу. Надежды при этом возлагались на советских советников³⁵. Большую роль сыграли они и в «деле словацких буржуазных националистов».

6 февраля 1951 г. для Гусака начался как обычный рабочий день. В 9 часов его неожиданно пригласил в свой кабинет якобы для совещания генеральный секретарь ЦК КПС Ш. Баштеванский. Находившиеся там трое вооруженных людей заявили Гусаку, что по приказу министра государственной безопасности он арестован, на него надели наручники, завязали глаза и увезли «в неизвестном направлении»³⁶. Предлогом ареста являлось его якобы намерение бежать за границу. В Рузинской тюрьме, куда доставили Гусака, после первоначального тщательного досмотра он превратился в «подследственного номер 1940» ростом 174 см и весом 64 кг³⁷. Затем Гусак был перевезен в замок Колодее (тюрьму под Прагой), где содержались заключенные, следствие по делам которых вело МГБ ЧСР. Главным следователем по «делу Гусака» назначили Богумила Доубека³⁸, которому «помогали» московские советники В. А. Боярский, Б. С. Есиков и С. Н. Галкин.

21–24 февраля 1951 г. пленум ЦК КПЧ заслушал доклады В. Копецкого и Ш. Баштеванского³⁹, в которых, помимо прочего, говорилось также о «делах» В. Клементиса и «фракционной антипартийной группе буржуазных националистов в КПС». Речь шла уже не просто о буржуазно-националистическом уклоне в партии, а о том, что его представители являются «знаменем

³⁴ Там же. С. 447, 464–465, 495 (прим. 2), 500.

³⁵ Там же. С. 688–689.

³⁶ *Husák G.* Bratislava, ul. Obrancov mieru 10a. Žiadosť o preverenie procesu rehabilitáciu. Bratislava, 20. XII. 1962. Súdr. Ústredný výbor KSČ k rukám s. Antonína Novotného, I. taj. ÚV KSČ v Prahe. S. 17 // Машинописный текст (64 с.). Копия. Личный архив автора.

³⁷ Подробнее о пребывании Гусака в тюрьме и ведущемся дознании до начала судебного процесса над ним см.: *Kinčok B.* Vyšetřovanec číslo 1940. Gustáv Husák vo vyšetřovacej väzbe štatnej bezpečnosti (1951–1954) // *Pamät' národa.* 2013. № 4. S. 17–39.

³⁸ В 1955 г. Доубек был арестован, приговорен к девяти годам тюрьмы, но вскоре выпущен на свободу.

³⁹ Ш. Баштеванский вскоре покончил жизнь самоубийством.

агентов империализма». Клементис, Гусак и Новомеский были заклеены как «вредители и преступники», целенаправленно ведущие антипартийную и антигосударственную деятельность, направленную на подрыв народно-демократического строя, единства ЧСР и создание Словацкого государства. Баштеванский заявил: «Что касается группы Гусак — Новомеский, то дело было не в “ошибках” и “уклонах”, тут мы имеем дело с организованной бандой фракционеров, которая своей сепаратистской подрывной деятельностью сознательно и умыленно разбивала единство республики и стремилась в ее рамках сохранить так наз. Словацкое государство, чтобы в подходящий момент оторвать Словакию от Республики [...]. Она (группа. — В.М.) ориентировалась в основном на реставрацию капитализма». На пленуме было принято решение о лишении Клементиса, Гусака и Новомеского депутатских мандатов, членства в ЦК КПЧ и исключении из партии⁴⁰.

В докладах Копецкого и Баштеванского на пленуме была сформулирована, по сути, политическая концепция готовившихся в ЧСР процессов. Но тут их тренд был уточнен. Причиной этого стала набиравшая силу в Советском Союзе антиссионистская кампания, борьба, согласно лексике того времени, против «безродных космополитов». Под руководством советников МГБ СССР, которых с лета 1951 г. в ЧСР возглавлял А. Д. Бесчастнов, к ней подключились чехословацкие органы безопасности. Много евреев находилось и среди ранее арестованных партийных и государственных деятелей, но требовалась более масштабная фигура. Начался тайный сбор компромата на генерального секретаря ЦК КПЧ, по существу, второго после К. Готвальда лица в государстве, Р. Сланского, приложившего руку ко всем ранее организованным политическим процессам. Сланский, как ответственный за кадровую политику, обвинялся в намеренном назначении неблагонадежных людей на важные государственные и партийные посты. 31 июля 1951 г. торжественно отмечалось его пятидесятилетие, и Сланский получил высшую государственную награду «Орден республики». Но его «дело» продолжало раскручиваться. Началась реорганизация партийного аппарата: должность генерального секретаря партии была упразднена, появились политсекретариат и оргсекретариат, руководителем которых стал Готвальд. Усилился поток компромата на Сланского, идущий через советское посольство в Праге. Его поставляли также часто бывавшие в Москве А. Чепичка (министр обороны, зять Готвальда), В. Копецкий, А. Новотный, Ю. Дюриш, А. Запотоцкий и др.⁴¹ В ночь с 23 на 24 ноября 1951 г. Сланский был арестован и объявлен главой «антигосударственного заговорщического центра». 6 декабря 1951 г. состоялся пленум ЦК КПЧ, единогласно одобривший арест. Выступавшие утверждали, что Сланский готовил «заговор в самом центре партии, в ЦК КПЧ, опираясь

⁴⁰ *Husák G. Žiadosť o preverenie procesa a rehabilitáciu. Bratislava, 20. XII. 1962... S. 14–15, 51–52; Kinčok B. Vyšetrotanec číslo 1940... S. 23.*

⁴¹ См.: Дело Сланского. Публикация *Мурашко Г.П.* // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 10–20.

на агентуру иностранных разведок», что он «тормозил использование опыта работы ВКП(б) чехословацкой компартией». Был снят с поста и в 1952 г. арестован министр МГБ ЧСР Л. Копржива, который считался «человеком Сланского». Следствием по раскрытию «связей группы Сланского с международным сионизмом» руководили советские советники, раз в неделю о его ходе докладывалось Готвальду. 20 ноября 1952 г. начался процесс по «делу» Сланского, с которым был объединен ряд других сфабрикованных дел, в том числе и дело ранее арестованного В. Клементиса. Из 14 обвиняемых 11 являлись евреями. Суд вынес 11 смертных приговоров, в том числе Сланскому и Клементису, трое были приговорены к пожизненному заключению. 6 декабря смертный приговор был приведен в исполнение.

С переносом акцента на дело Сланского несколько замедлилось разбирательство по «делу словацких буржуазных националистов». Все это время Гусак по-прежнему находился в камерах предварительного заключения, где до суда провел более трех лет. В письме Г. Гусака на имя А. Новотного с просьбой о пересмотре его дела и реабилитации от 20 декабря 1962 г. два раздела посвящены незаконным методам деятельности органов государственной безопасности и прокуратуры⁴². Дознаватели «вели следствие» дено и ночью, любой ценой добиваясь признательных показаний, соревнуясь в оскорблениях, унижении подследственного, угрозах, избиении. Они говорили: «Партия от тебя отреклась», и, если ты считаешь себя действительно коммунистом, то признай свою вину перед ней, подпиши показания о правильности предъявленных тебе обвинений, назови своих сообщников. Г. Гусак держался, как мог, не поддавался на провокации и если подписывал показания, то, отдохнув и придя в себя, на следующем допросе отзывал свою подпись. Другие арестованные вместе с ним по делу «словацких буржуазных националистов» не обладали такой стойкостью и подписывали нужные дознавателям бумаги с облыжными обвинениями против себя и своих товарищей. Например, Л. Новомеский в прошении на имя А. Новотного о восстановлении членства в компартии и реабилитации сокрушался по поводу того, что, находясь в тюремных застенках, он вынужденно, под давлением следователей, клеветал на Шмидке, Гусака и казненного Клементиса. Новомеский писал, что его мучает то обстоятельство, что при новом пересмотре дела будут использованы те зафиксированные в протоколах допросов показания, которые он давал, находясь в заключении с февраля 1951 г. до апреля 1954 г., и затем дословно повторил перед трибуналом Верховного суда в 1954 г. и в свидетельских показаниях против Клементиса на суде в 1952 г. «В декабре 1955 г., накануне досрочного освобождения из тюрьмы в Панкраце, когда комиссия из двух членов снова расследовала ведение следствия и процесса, — писал Новомеский, — я от всех этих утверждений полностью отказался. И где-то в июне или в июле 1956 г. я снова это сделал в Комиссии партийного

⁴² *Husák G. Žiadosť o preverenie procesa a rehabilitáciu. Bratislava, 20.XII.1962... S. 17–29.*

контроля в здании ЦК КПЧ. В этот раз я отказался, прежде всего, от тех показаний, которые касались тов. Клементиса. Мои показания в обоих случаях были запротоколированы».

Далее Новомеский еще раз повторил: «Содержание протоколов, написанных во время [моего] нахождения в подследственном заключении в 1951–1954 гг., и [мои] показания на судах в 1952 и 1954 гг. в Праге и Братиславе, не являются правдивыми, извращают правду, выводы искусственно и насильственно сконструированы и в отношении меня лично и в отношении других людей, упоминаемых в этих протоколах и показаниях. Они содержат утверждения о лицах и событиях, опирающиеся на неправильные, фальшивые и искажающие действительность представления, которые у нас в 1948–1949 гг. преподносились и внушались от имени партии как отдельным лицам, так и остальной партийной и беспартийной общественности»⁴³.

Г. Гусак, находясь под следствием, неоднократно направлял письма на имя Готвальда, других высших партийных функционеров, руководителей органов безопасности, доказывая свою невиновность и выражая просьбу пересмотреть его «дело», но всякий раз получал якобы отрицательный ответ адресата, поскольку никто, дескать, пересматривать его дело не собирается. Но это не означало, что никто из высоких должностных лиц не знал, что происходит в замке Колодее. Посещал его, например, Л. Копржива, который через дверной глазок камеры наблюдал за тем, как ведут себя заключенные, в том числе и Гусак⁴⁴. 24 февраля 1952 г. больного Гусака, измотанного физическим и психологическим насилием, вместе с другими заключенными перевезли опять в тюрьму в Рузине, где допросы были продолжены, в основном с применением методов угроз и устрашения. Гусак, исхудавший до 55 кг и еле-еле державшийся на ногах, по-прежнему отрицал все снова и снова предъявляемые ему обвинения.

Новый круг допросов и подготовка процесса по делу словацких буржуазных националистов начались весной 1953 г. в изменившейся для ЧСР общественно-политической обстановке. 5 марта 1953 г. умер И. В. Сталин, а через девять дней, 14 марта, вернувшись с его похорон, скончался и К. Готвальд. В соответствии с рекомендациями ЦК КПЧ, Национальное собрание избрало на пост президента ЧСР А. Запотоцкого, В. Широкий стал премьер-министром. Пост председателя КПЧ был упразднен, секретарь пражского горкома КПЧ А. Новотный, выполнявший к тому же функции вице-преьера, получил должность руководителя секретариата ЦК КПЧ. В сентябре 1953 г. он был избран его первым секретарем. Вставший у партийного руля молодой, амбициозный и энергичный А. Новотный решительно претендовал на руководство страной.

⁴³ *Novomeský L.* Opis. Súdruh Antonín Novotný I. tajemník ÚV KSČ a prezident ČSSR. Praha. S. 1–2 // Машинописный текст (28 s.). Копия. Личный архив автора.

⁴⁴ *Kinčok B.* Vyšetřovanec číslo 1940... S. 22.

К концу 1953 г. прокуратура подготовила обвинительный протокол по делу словацких буржуазных националистов, который был отправлен министру внутренних дел Р. Бараку для получения его одобрения со стороны политического секретариата ЦК КПЧ. Однако с первой версией протокола ЦК не согласился, и ее пришлось переделывать. 8 марта 1954 г. «доработанная», фальсифицированная, версия обвинения получила одобрение руководителей КПЧ. Гусак, ознакомившись с обвинительным протоколом, отказался его подписать, назвав ложью все выдвинутые против него обвинения.

21–24 апреля 1954 г. в Братиславе состоялся суд над «словацкими буржуазными националистами»⁴⁵. Среди обвиняемых, помимо Гусака и Новомеского, находились члены Корпуса уполномоченных Д. Окали (ведомство внутренних дел) и Л. Голдош (ведомство по делам церкви), а также бывший посол в Будапеште И. Горват. Все они, как и Гусак, были арестованы еще в начале 1951 г. и до суда, т. е. в течение трех лет, содержались в тюрьме. Чехословакия стала последней из стран советского блока, где состоялся политический процесс подобного рода. Робкие попытки десталинизации в СССР, вскоре сошедшие на нет (здесь шла борьба за власть между отдельными политическими группировкам), а также некоторая разрядка международной напряженности, не стали препятствием для начала процесса. Но, в отличие от всех предыдущих, он носил закрытый характер. Можно предположить, что инициатором проведения процесса или, во всяком случае, решительным сторонником этого являлся В. Широкий. Раскрученное «дело словацких буржуазных националистов» следовало довести до конца и таким образом воспрепятствовать возможному новому появлению на политической сцене Г. Гусака, единственной значительной фигуры, способной составить конкуренцию В. Широкому среди словацких политических деятелей. Он напрямую вмешивался в подготовку процесса по «делу словацких буржуазных националистов». 6 июня 1953 г. Широкий дал указание министру национальной безопасности К. Бацилеку: «В ходе процесса следует ясно показать, как враждебная рабочему классу идеология буржуазного национализма привела преступников к союзу с врагами рабочего класса, к предательству интересов своего народа и нарушению законов народно-демократического государства. Процесс не должен производить впечатление, что преступники будут судимы уголовным судом за то, что как члены партии нарушали линию и устав партии». Широкий подчеркивал, что в обвинении должна быть более ясно и документально обоснована та «деятельность преступников, которая нарушала законы народно-демократического государства и указания его руководства». Следовало, как указывал Широкий, доказать, что подсудимые «вели борьбу не за расширение прав словацких национальных органов», а «за расширение влияния, правомочий и власти словацкой буржуазии,

⁴⁵ О ходе суда подробнее см.: *Kinčok B.* Trestnoprávne vyrovnanie s tzv. slovenskými buržoáznyimi nacionalistami. Proces s Gustávom Husákom a spol. // Pamät' národa. 2012. № 2. S. 35–51.

за изоляцию словацких органов от общегосударственных, словацкого народа от чешского народа, и стремились не допустить создания всех предпосылок фактического их равноправия и таким образом тормозили развитие Словакии на пути к социализму»⁴⁶. В. Широкий, по мнению Б. Кинчока, являлся идейным автором обвинения по «делу словацких буржуазных националистов». Все детали и ход процесса обсуждались и утверждались высшими партийными органами: на заседании ЦК КПЧ (8 марта 1954 г.), на заседании президиума ЦК КПС (18 марта 1954 г.), на заседании политического секретариата ЦК КПЧ (31 марта 1954 г.)⁴⁷.

Суд, как уже говорилось, в отличие от всех других политических процессов в ЧСР начала 1950-х гг., имел закрытый характер. На него был допущен ограниченный круг людей из партийных верхов. Жене Г. Гусака Магде, несмотря на ее настойчивые просьбы, не разрешили присутствовать в зале суда даже в день объявления приговора. Просочившаяся о суде дозированная, разрешенная высшими партийными органами, информация была минимальной, хотя критика «словацких буржуазных националистов» не прекращалась.

Всем подсудимым по рассматриваемому делу было предъявлено обвинение в государственной измене, саботаже, а Голдошу и Горвату — еще и в шпионаже в пользу иностранных государств. Все обвиняемые, кроме Гусака, признали себя виновными, что было «выбито» из них путем физического и психологического насилия. Впоследствии они отреклись от этих показаний. Гусак, будучи юристом, отказался от назначенного адвоката и предпочел защищать на суде себя сам. Он отверг все обвинения прокуратуры, а также показания против него подготовленных свидетелей и проходивших с ним по «делу» Новомеского, Окали, Голдоша и Горвата, получивших соответствующие указания своих следователей. Вот какие напутствия получил, например, Л. Голдош перед выступлением на суде: «Перед вами выступил Л. Новомеский, ваш друг, прекрасно выступил, прекрасно, пан Голдош, и руководящие партийные деятели возлагают большие надежды на ваше выступление, они верят, что и вы не подведете»⁴⁸. Прокурор в заключительной речи заявил, что главой буржуазно-националистической группы «предателей и вредителей» является Гусак и что поэтому он отвечает также за действия прочих обвиняемых. Гусак до последнего дня настойчиво и упорно отказывался признавать себя виновным. Более того, он избрал наступательную тактику и требовал пригласить в качестве свидетелей своей невиновности множество людей (всего 31), в том числе и К. Шмидке, который умер в декабре 1952 г., о чем Гусак не знал. Ни одно из требований Гусака судом

⁴⁶ *Kinčok B.* Trestnoprávne vyrovnanie s tzv. slovenskými buržoáznymi nacionalistami... S. 37–38.

⁴⁷ *Ibid.* S. 40.

⁴⁸ *Ibid.* S. 48. Обвиняемые вместе с Гусаком Новомеский, Окали, Голдош и Горват, по словам В. Плевзы, «стремились сохранить свою жизнь и говорили по заранее подготовленному сценарию». См.: *Plevza V.* Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoral. Bratislava, 1991. S. 78.

не было удовлетворено. В последнем слове он снова заявил о своей невиновности и несогласии с выдвинутыми против него обвинениями.

В соответствии с требованиями прокурора, все подсудимые были признаны виновными в том, что «как буржуазно-националистические предатели, враги чехословацкого трудящегося народа, народно-демократического строя и социализма, находясь на службе западного империализма и будучи связанными с антигосударственным заговорщическим центром во главе с Рудольфом Сланским, создали подрывную буржуазно-националистическую группу в Словакии и таким образом допустили тяжелейшие преступления против народно-демократического государства и трудового народа». Гусак, Новомеский, Окали и Горват, говорилось в приговоре, «а) как члены буржуазно-националистической группы объединились с реакционной буржуазией и по ее указанию и, имея обязательства перед ней, втерлись в руководство Словацкого национального восстания с целью тормозить борьбу трудящегося народа за освобождение чехословацкого государства; б) после освобождения сгруппировались с другим обвиняемым Голдошом вокруг Клементиса, самыми разными способами саботировали проведение в Словакии Кошицкой правительственной программы⁴⁹, конституции и законов [Чехословацкой] республики и строительство народно-демократического государства. Свои позиции в Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных они преступно использовали против национальных и государственных интересов словацкого народа, стремясь к изоляции словацкого народа от чешского трудящегося народа и от строительства социализма. Ревностно сохраняя в Словакии остатки капиталистических позиций, они стремились создать предпосылки для реставрации капитализма. Тем самым они угрожали самобытности словацкого народа, гарантированной народно-демократическим строем; в) боролись преступным образом против осуществления Кошицкой правительственной программы, а при обсуждении Конституции 9 мая [1948 г.] также против национального единства, основанного на равноправии чехов и словаков; г) противозаконным способом создавали в Словакии аппарат [государственной] безопасности, саботировали строительство национальных комитетов как органов власти трудящегося народа и решительное осуждение людацко-фашистских предателей и прочих врагов словацкого народа; д) всеми способами тормозили экономическое и культурное развитие Словакии и защищали экономические позиции капитализма [...]; е) после победы трудящегося народа в феврале 1948 г. они, помимо прочего, дали возможность представителям реакционной буржуазии бежать в западные империалистические государства и препятствовали проведению чистки в Словакии; ж) обвиняемый Окали помогал сионистам и еврейским капиталистам нелегально переправляться за границу. Нелегальным переводом имущества этих капиталистов за границу республике был нанесен огромный

⁴⁹ Принята в апреле 1945 г. первым правительством Национального фронта чехов и словаков.

ущерб; з) кроме того, обвиняемые Горват и Голдош развернули большую шпионскую деятельность в интересах западных империалистов». Все обвиняемые, говорилось в приговоре, «проводили свою преступную деятельность в согласии с враждебными планами антигосударственного заговорщического центра Рудольфа Сланского, в рамках борьбы западных империалистов против СССР и народно-демократических стран»⁵⁰. Все подсудимые получили предварительно одобренные партийными верхами высокие меры наказания: Гусак был приговорен к пожизненному заключению, Горват — к 22 годам, Окали — к 18, Голдош — к 13, Новомеский — к 10 годам тюрьмы. Кроме того, Гусак, Окали и Горват были лишены чехословацкого гражданства.

Снова перевезенный в Прагу Гусак до конца 1959 г. содержался попеременно в тюрьмах Прага-Панкрац, Леопольдов, Прага-Рузине⁵¹. После суда ему впервые была разрешена переписка с женой, а затем и свидание с ней и детьми, а также с ближайшими родственниками: отцом, братом, сестрой. Арест Гусака сказался и на жизни его семьи. Магду с сыновьями сразу же выселили из дома, где они проживали, и на краткое время изолировали от общества. Ей предложили выступить публично с обвинениями Гусака в буржуазном национализме, пообещав за это оставить семью в прежнем доме, а ее — на работе в театре. Магда отказалась и поплатилась за это, потеряв работу (ее уволили, обвинив в аморальном влиянии на труппу театра) и оставшись без средств к существованию. Кроме того, у нее отобрали партбилет, который вернули через 10 лет — уже после освобождения Гусака из тюрьмы — с предписанием заплатить взносы за истекшие годы. Из компартии она не вышла. После увольнения из театра Магда нашла место в Национальном музее, где занималась созданием театрального архива. В это время она стала все чаще пользоваться своей девичьей фамилией Локвенцова. После суда над Гусаком власть имущие предложили Магде развестись с ним взамен возвращения в театр⁵². Она снова отказалась, хотя в ее жизни уже был другой мужчина, актер Цибор Филчик. Когда от Магды отвернулись многие до этого близкие знакомые и друзья, он помог ей преодолеть не только финансовые трудности, но, главным образом, поддерживая морально. Но жили они раздельно, общего дома у них не было. Гусак впоследствии так отзывался о Филчике: «Магду он чрезвычайно уважал, не хотел ухудшения отношения наших детей ко мне, поэтому к ней никогда не переезжал и не жил с ней одним домом». Точно так же, судя по воспоминаниям, с большим пиететом относился к Филчику Владимир Гусак: «Филчик нам помогал, главным образом,

⁵⁰ Presidium Nejvyššího soudu v Praze. Prz 9/63 Rozsudek Jmenem republiky dne 28. června 1963. S. 4–5 // Машинописный текст (30 с.). Копия. Личный архив автора.

⁵¹ Blažek P. «Do společenských hovorů se nezapojoval». Gustáv Husák ve vězení 1951–1960 // Michálek S., Londák M. a kol. Gustáv Husák. Moc politiky, politik moci. Bratislava, 2013. S. 487.

⁵² Žurnal-Pravda. 13.IX.2016. <https://zurnal.pravda.sk/portret/clanok/404836-magda-husakova-lokvencova-od-socialnej-utopie-k-divadelnej-rezii/> (посещение сайта: 10.01.2018).

по-человечески, хотя никогда не был членом нашего дома. Подобно многим другим он начинал как любитель, но был очень талантливым актером и стремился к постоянному совершенствованию. В маме он нашел выдающегося учителя, а мама в нем — выдающегося ученика»⁵³. Работа в музее не давала Магде морального удовлетворения. Ее по-прежнему влекла профессия театрального режиссера. В 1955 г. она стала работать в Кошицком национальном театре, а в 1956 г. «Новая сцена» снова предложила Магде ангажемент.

Тем временем борьба компартии против буржуазного национализма не прекращалась. Состоявшийся в июне 1954 г. X съезд КПЧ, подведший итоги развития страны за пять лет (после 1949 г.), в целом дал ему положительную оценку, отметив лишь некоторые «ошибки и неудачи». В идеологической области главной задачей коммунистов объявлялась борьба против буржуазного национализма, социал-демократизма и оппортунизма. Н. С. Хрущев, присутствовавший на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях «социалистической законности» в СССР, возложив при этом всю вину на Л. П. Берию. После съезда, тоже подчеркнувшего необходимость соблюдения «социалистической законности», по указанию политбюро ЦК КПЧ была создана ему же подчиненная комиссия во главе с бывшим министром внутренних дел Р. Баракком, которая должна была снова рассмотреть итоги политических процессов начала 1950-х гг. Но эта комиссия скорее была заинтересована в подтверждении правильности вынесенных приговоров, чем в реабилитации осужденных⁵⁴. Властная группировка, ответственная за политические процессы прошлых лет, не желала сдавать позиции, страшась потери занимаемых постов и опасаясь возвращения в политическую жизнь реабилитированных. Комиссия Барака нашла «лишь некоторые недостатки в ведении следствия и судебного процесса» по делу «словацких буржуазных националистов». Она посчитала правильным оставить приговор без изменений⁵⁵. В информации о работе комиссии, одобренной политбюро ЦК КПЧ 7 июня 1955 г., Р. Барак утверждал: «Наша партия не пошла по пути поголовной реабилитации, что могло бы дискредитировать политику партии и прежде всего ее руководства». На практике правопорядок не восстанавливался, хотя для проформы кое-что было сделано. Так, по случаю амнистии 9 мая 1955 г., объявленной президентом ЧСР А. Запотоцким, наказание Гусаку было снижено до 25 лет. После перевода из тюрьмы Панкрац в Леопольдов он был помещен в общую камеру и получил разрешение

⁵³ SME. 2.VIII.2005. <http://sme.sk/c/2325941/dve-manzelky-GUSTAVA-HUSAKA.html> (посещение сайта: 10.01.2018).

⁵⁴ Подробнее см.: *Марьина В. В.* Словакия начала 1960-х годов. Реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е годы XX в. М., 2011. С. 426–463.

⁵⁵ *Blážek P.* «Do společenských hovorů se nezapojoval». Gustáv Husák ve vězení 1951–1960... S. 492.

на прогулки. Кроме того, он мог, как и прочие заключенные, работать, а заработанные деньги отправлять семье.

Решения XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.), критика культа личности И. В. Сталина, имевшие в Чехословакии, как и во всем мире, громкий резонанс⁵⁶, заставили руководство КПЧ снова вернуться к вопросу о политических процессах конца 1940-х — начала 1950-х гг. и даже покаяться. А. Новотный, по словам Г. Гусака, заявил на заседании ЦК КПЧ в конце марта 1956 г.: «Следует ясно сказать, что все мы в нашей партии без исключения не только поддались культу личности, но и насаждали его [...]. Эта практика исходила от самого руководства партии, и постепенно создавалась целая система [...]. Не соблюдались основные принципы социалистической законности [...], выяснилось, что ряд лиц был незаконно осужден [...], проверка дел до сих пор не завершена»⁵⁷. Слухи о решениях XX съезда КПСС дошли и до Гусака. Видимо, поэтому в мае 1956 г. он отправил в ЦК КПЧ очередное прошение о пересмотре его дела. Примерно в то же время прошение о его помиловании направила президенту ЧСР А. Заптоцкому и Магда, которая писала, что не верит в виновность мужа и что он стал жертвой провокаций со стороны органов государственной безопасности⁵⁸. Ответа ни на то, ни на другое обращение не последовало. Через год Гусак обратился уже в Генеральную прокуратуру в Праге с аналогичной просьбой, но по-прежнему безрезультатно. Надо заметить, что прошения Гусака, направляемые им властям, по существующим правилам сопровождалась характеристикой заключенного, подписанной начальником тюрьмы. Гусак характеризовался как дисциплинированный и примерный заключенный⁵⁹. В октябре 1957 г. ЦК КПЧ подтвердил выводы комиссии Р. Барака. На Гусака не распространялась также амнистия, объявленная 1 декабря 1957 г. А. Новотным по случаю занятия им поста президента ЧСР. С просьбами о помиловании в эти годы обращались и другие осужденные вместе с Гусаком. Новомеский, которого Широкий считал «запутавшимся интеллигентом», в декабре 1955 г. (по другим данным — в феврале 1956 г.) был освобожден под подписку о невыезде, хотя реабилитации не подлежал⁶⁰. Затем, в 1957 г. и 1959 г., на тех же условиях вышли из тюрьмы Л. Голдош и И. Горват.

⁵⁶ Подробнее см.: *Марына В. В.* XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 182–220; *она же.* XX съезд КПСС: чехословацкое эхо (1956 год) // Россия XXI. 2016. № 2. С. 32–63.

⁵⁷ List G. Husáka z 01. 05. 1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ. S. 127 // Машинописный текст (134 s.). Копия. Личный архив автора.

⁵⁸ *Rokoský Ja.* Amnestie nepoddajného väzňe Gustáva Husáka // *Michálek S., Londák M.* a kol. Op. cit. S. 504.

⁵⁹ *Ibid.* S. 505.

⁶⁰ Из-за продолжавшейся в Словакии травли «словацких буржуазных националистов» (по другим данным, из-за запрета на длительное пребывание в Словакии) Новомеский до 1963 г. жил в Праге, отказавшись от участия в политической жизни.

В письме в ЦК КПЧ от 1 мая 1963 г. Г. Гусак так писал о борьбе с последствиями культа личности в Чехословакии после XX съезда КПСС: «У нас тоже начался процесс возрождения», появилась надежда, что «и у нас с попранием закона будет покончено, несправедливости будут устранены [...]». Мы снова и снова писали в ЦК КПЧ и государственные органы и добивались исправления. Однако процесс возрождения у нас застыл, исправление несправедливостей периода культа личности было прекращено, все осталось по-старому. Решение нашего дела было отложено. Сохранилась прежняя точка зрения. “Pravda” (центральный орган ЦК КПС. — В.М.) 12.05.1956 г. опубликовала выступление Широкого на заседании ЦК КПС 11.05.1956 г. Широкий вместо самокритики [...] опять выступил с обвинениями против нас. В этом выступлении он заявил: “В связи с обсуждением вопроса о нарушении социалистической законности в Словакии нередко поднимается вопрос, было ли правильным осуждение Гусака, Клементиса, Новомеского. Здесь следует особо подчеркнуть, что, насколько это известно Центральному комитету [КПС], никто из этих людей не был осужден за то, что имел отличные идеологические и политические воззрения. Партия по праву вела против их буржуазно-националистических концепций острую идеологическую и политическую борьбу. Однако они были наказаны и осуждены не за эти свои ошибки, [...] а за то, что своей фактической деятельностью, своими поступками поставили под угрозу завоевания Словацкого национального восстания [1944 г.], угрожали плодам победы чешского и словацкого народов над гитлеровским фашизмом, поставили под угрозу путь социалистического строительства». В резолюции, принятой ЦК КПС по докладу Широкого, говорилось: «ЦК КПС подчеркивает, что осуждение буржуазных националистов было законным [...]. Гусак и осужденные вместе с ним за сотрудничество с реакцией угрожали единству и безопасности республики и завоеваниям рабочих и крестьян в СНВ». Ответственные за организацию процесса Широкий, Бацилек, Давид, Стрехай, писал Гусак, «снова обвиняли свои жертвы, использовали свои партийные должности для того, чтобы наше дело не решалось, чтобы добиться от ЦК КПС принятия неправильной и несправедливой точки зрения», «против нас была развернута новая кампания, [...] повторялись прежние обвинения против так называемых буржуазных националистов»⁶¹.

Общий дух «вольномыслия», порожденный решениями XX съезда КПСС и сказавшийся на внутрипартийной дискуссии в КПЧ, несомненно, насторожил ее руководство, которое опасалось чрезмерной активности «низов». В одобренных общегосударственной конференцией КПЧ (июнь 1956 г.) директивах среди прочих первоочередных задач намечалось и устранение излишней централизации в полномочиях и ответственности, что, в частности, касалось государственно-политического устройства страны, положения Словакии и компетенции словацких национальных

⁶¹ List G. Husáka z 01. 05. 1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ. S. 127–128.

органов⁶². Чтобы «притушить» оппозиционную активность некоторой части словацкого населения, прежде всего интеллигенции, в конце июля 1956 г. был принят конституционный закон о словацких национальных органах, Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных, несколько расширявший их полномочия и ослаблявший зависимость от центра. Однако при этом сохранялась подчиненность словацких органов центральному правительству и Национальному собранию. Чешская общественность не проявила к закону особого интереса, в Словакии его приняли с определенным удовлетворением. Но на практике закон реализовался в минимальной степени⁶³.

Важнейшим фактором, повлиявшим на политику КПЧ/КПС, явились события в Венгрии в ноябре 1956 г. Особенно они сказались на настроениях чешской и словацкой интеллигенции. В ее среде, прежде всего писательской, обнаружилась тенденция солидарности с венгерскими повстанцами и отказа от их осуждения. Появление этих тенденций в Словакии власти предрержащие связывали с оживлением там националистических настроений, подтверждая тем самым якобы принципиальную правильность осуждения «словацких буржуазных националистов». В партийной среде возрастало число сторонников «твердого курса», проведения жесткой линии против тех, кто проповедовал немарксистские и «враждебные» взгляды. Политбюро ЦК КПЧ 19 ноября 1956 г. отдало тайный приказ генеральной прокуратуре не освобождать политических заключенных, ужесточить наказания за антигосударственную деятельность. Особое внимание обращалось в связи с этим на работу союзов чешских и словацких писателей. Глава словацких коммунистов В. Биляк на заседании ЦК КПС в декабре 1956 г. говорил об опасности, могущей возникнуть, «если внутри партии и в обществе получают перевес вечно колеблющиеся интеллектуалы, которые никогда не понимали и не понимают законов диалектики, которые, колеблясь, сегодня до небес перевозят одно, чтобы завтра это ниспровергнуть, и которые легко становятся игрушкой, инструментом контрреволюции»⁶⁴. Политическим центром сосредоточения оппозиционных настроений объявлялась Словацкая академия наук (председатель Ондрей Павлик). А. Новотный советовал ЦК КПС «дать оппозиционерам понять, где и что они могут критиковать. А если они будут вести себя иначе, то принять соответствующие меры»⁶⁵. Положение в рядах словацкой интеллигенции обсуждалось на заседании Политбюро ЦК КПЧ в апреле 1957 г., на котором речь шла даже о возникновении оппозиционной и фракционной группы в словацкой компартии. Копецкий призывал к твердости и решительности в действиях против нее: «Надо, чтобы в действиях

⁶² Od X do XI sjezdu. Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha, 1958. S. 345–402.

⁶³ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945–1992. Bratislava, 1998. S. 174–178.

⁶⁴ Barnovský M. Prvá vlna destalinizácie a Slovensko (1953–1957). Brno, 2002. S. 104.

⁶⁵ Ibid. S. 111.

против этой фракции вы были храбры, как львы, хитры, как змеи, и чисты, как голуби». З. Фирлингер указывал на национализм О. Павлика и предлагал не сравнивать словацких писателей с чешскими, которые в своей основе «честные», в то время как среди первых «сильны националистические течения». «На съезде КПС 26.04.57, — писал Г. Гусак в письме в ЦК КПЧ 1 мая 1963 г., — Бацилек по поводу дела Павлика заявил: “Суть его антипартийной деятельности в том, что О. Павлик не согласился с решениями партии при аппликации решений XX съезда КПСС на наши условия, заявлял, что наша партия не сделала никаких выводов из решений XX съезда [...], что считает процесс по делу Гусака незаконным, и утверждал, что Гусак допустил лишь определенные политические ошибки, а не преступления, далее, что его (Павлика. — В. М.) выступление на заседании ЦК КПС в апреле 1951 г., в котором он осуждал деятельность буржуазных националистов, было ошибкой и что он сожалеет о своем выступлении [...]. Бюро ЦК КПС призвало О. Павлика к самокритике. Однако он отказался от какой-либо самокритики и заявил, что на своей точке зрения настаивает. Вследствие этого О. Павлик был исключен из партии”». Одновременно с этим, как писал Гусак, Павлик был лишен своих постов, ему было запрещено публиковать научные статьи, он до сего времени не восстановлен в партии. «Страх, что они (организаторы политических процессов. — В. М.) будут отвечать перед партией за свои противозаконные действия, за нарушение социалистической законности, снова вел этих людей к использованию методов периода культа личности», — писал Гусак⁶⁶. Были приняты также решения о партийных наказаниях и снятии с должностей Ю. Шпитцера и Ц. Штитницкого, возглавлявших соответственно еженедельник «Kulturný život» и Союз словацких писателей⁶⁷.

На заседании ЦК КПЧ в июне 1957 г., рассмотревшего вопросы идеологической работы партии, секретарь ЦК Й. Гендрих в качестве главной опасности назвал ревизионизм, который ведется якобы под лозунгом борьбы против сталинизма. Секретарь ЦК КПС В. Биляк упрекал писателей и деятелей искусства в аморальности, поскольку, дескать, «они получают плату от народа и не отработывают ее, как должно». «Старая пословица гласит, — заявил он, — чей хлеб ешь, того и песни пой. Я думаю, они получают достаточно хлеба, чтобы хоть немного приличнее пели». Наступление на позиции интеллигенции в Чехословакии являлось в определенной мере отражением и советской политики в этой области, где резкой критике подверглись писатели В. Дудинцев. Б. Пастернак, поэт А. Вознесенский. В декабре 1957 г. политбюро ЦК КПЧ приняло решение о проверке классово-политической благонадежности работников министерств, научно-исследовательских и других институтов. В ходе этой «чистки» многие переводились на низшие должности и отправлялись на пенсию, некоторые подлежали «перевоспитанию» физическим трудом на производстве. Осуществлялась массовая чистка

⁶⁶ List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ.

⁶⁷ *Barmovský M. Prvá vlna destalinizácie a Slovensko (1953–1957)...* S. 113–114.

библиотек «от не имеющей цену и вредной» литературы. Незначительными оказались и результаты реабилитации, пересмотра политических процессов начала 1950-х гг. Из 6978 изученных комиссией Р. Барака дел в 6715 случаях была подтверждена правильность прежних приговоров. Власти из политических соображений предпочитали вместо действительного пересмотра и переоценки судебных процессов освобождать осужденных по-тихому, путем амнистирования или помилования. Ревизия политических процессов, проведенная в 1955–1957 гг., по мнению чешского историка К. Каплана, в действительности явилась лишь вторым кругом противозаконных приговоров, поскольку большинство поданных обвиненными обжалований было признано необоснованными, и подтверждалась правильность ранее вынесенных обвинений и приговоров. Руководителей КПЧ страшила возможность возврата в политическую жизнь реабилитированных, как это произошло в Польше (В. Гомулка) и Венгрии (Я. Кадар). 19 ноября 1956 г. политбюро ЦК КПЧ приняло решение о временном приостановлении условного освобождения от наказания, а у лиц, уже отпущенных на свободу, но политически ведущих себя «неправильно», восстановить отбывание наказания. Новотный направил краевым и районным функционерам указание установить наблюдение за реабилитированными и условно освобожденными, поскольку получал сведения о их недовольстве формой исправления беззаконностей, о их требованиях последовательной реабилитации, включая восстановление в должностях. Новотный считал необходимым решительно пресекать подобные тенденции, характеризовал их как антипартийную деятельность и предлагал не церемониться с их носителями. На заседании ЦК КПЧ 19 ноября 1956 г. он говорил: «Мы и сейчас должны быть тверды, и как только мы уступили бы, товарищи, не знаю, с какими бы последствиями мы столкнулись бы»⁶⁸.

В ноябре 1957 г. после смерти А. Запотоцкого президентом ЧСР стал А. Новотный, объединивший в своем лице функции президента страны и первого секретаря ЦК КПЧ. Напомню, что Н. С. Хрущев примерно тогда же, с осени 1957 г., занимал посты первого секретаря ЦК КПСС и главы правительства. При поддержке Москвы руководству КПЧ удалось преодолеть кризис коммунистического режима в ЧСР, пик которого пришелся на 1956 г.⁶⁹

В 1958–1960 гг. борьба против «врагов народа» продолжилась. По Словакии, которая опять стала рассматриваться как «слабое место» республики, прокатилась волна новых общественно-политических процессов. Она не имела такого размаха и не сопровождалась такими жестокостями, как в начале 1950-х гг. Процессы были сфабрикованы по делам носителей так называемых «измов», т.е. троцкизма, социал-демократизма, национализма. В отличие от начала 1950-х гг., процессы проходили не с членами компартии, а с людьми, не входившими в нее. Особенно по насыщенности ими

⁶⁸ *Kaplan K. Něktrvá revoluce... S. 377.*

⁶⁹ См.: Чехия и Словакия в XX веке... С. 135–161.

отличился 1958 г. По мнению словацкого историка Яна Пешека, волна политических процессов в Словакии в этот период была значительно выше, чем в Чешских землях⁷⁰.

В марте 1958 г. Гусак был из Леопольдова снова переправлен в тюрьму Панкрац, где провел примерно 10 месяцев, а затем в январе 1959 г. его переместили в пражскую тюрьму Рузине, в которой он содержался почти год в одиночной камере. Ему опять были запрещены прогулки и работа. Причины ужесточения содержания в тюрьме ему не объяснили, дополнительного следствия по его делу не проводилось⁷¹.

По всей видимости, власти были напуганы усилением внутривнутриполитической напряженности в стране и особенно в Словакии. В докладе МВД ЧСР по вопросу о государственной безопасности, обсужденном на заседании бюро ЦК КПС в августе 1959 г., говорилось о росте в Словакии националистических воззрений среди так называемых «бывших», об их активности и интенсификации идеологической и организационной борьбы против существующего режима. Органы госбезопасности пришли к выводу, что жесткие действия против них в предшествующий период привели к тому, что «они не прекратили враждебную деятельность, но стали осторожнее, а их подрывная работа стала более конспиративной». Согласно справке, составленной Исследовательским институтом МВД в конце 1960 г., положение в Словакии было катастрофическим, почти как накануне государственного переворота.

Между тем, XI съезд КПЧ (1958 г.) поставил цель постепенного перехода страны к коммунизму. Стремление органов госбезопасности подчеркивать «нарастание враждебной деятельности в стране» не соответствовало политическому курсу пражского руководства «на достижение победы социализма в Чехословакии». Поэтому сфабрикованные по общественно-политическим делам процессы должно было остановить⁷². Коснулось это и дела Гусака, которого перевели в исправительно-трудовую колонию Миров, где он содержался последние полгода своего заключения. Здесь ему снова разрешили работать, и он освоил обращение со сверлильным станком. Кроме того, Гусак получил разрешение писать и начал работать над воспоминаниями о Словацком национальном восстании⁷³. Из Мирова Гусак направил новое обра-

⁷⁰ Подробнее см.: *Pešek J. Vlna politických procesov na Slovensku koncom 50. rokov // Politické procesy v Československu po roce 1945 a případ Slánský. Sborník příspěvků ze stejnomenné conference, pořádané ve dnech 14.–16. dubna 2003 v Praze. Brno, 2005. S. 179–191.*

⁷¹ *Blažek P. «Do společenských hovorů se nezapojoval». Gustáv Husák ve vězení 1951–1960... S. 496.*

⁷² *Pešek J. Vlna politických procesov na Slovensku koncom 50. rokov... S. 186–187.*

⁷³ Когда начала работать последняя (Барнабитская) комиссия по реабилитации так называемых словацких буржуазных националистов (см. гл. 7), Гусаку был возвращен текст рукописи, написанной им в тюрьме. См.: *Doskočil Z. Návrat Gustáva Husáka z vězení a jeho první leta na slobodě // Kinčok B. a kol. Op. cit. S. 286–287.*

шение к Новотному с просьбой о пересмотре своего дела. В конце концов политбюро ЦК КПЧ 12 апреля 1960 г. приняло решение о его освобождении на основе амнистии. За это решение, думается, не без внутреннего сопротивления, высказались также П. Давид, В. Копецкий, К. Бацилек и В. Широкий. 7 мая 1960 г. Гусака перевезли в братиславскую тюрьму предварительного заключения. Через три дня по амнистии, объявленной А. Новотным по случаю 9 мая 1960 г., Гусака освободили под подписку о невыезде. Но чехословацкое гражданство, которого его лишили по решению суда в 1954 г., ему не было возвращено, как и конфискованное имущество. Одновременно с Гусаком из тюрем выпустили 5601 из общего числа 8708 политзаключенных (64%)⁷⁴. Всего Г. Гусак провел в заключении около десяти лет, из них примерно шесть в строгой изоляции.

Сразу после освобождения Гусака на служебной машине доставили к дому по адресу Obrancov mieru, 10a (Братислава), где в то время проживала Магда с детьми. Старшему сыну Владимиру тогда исполнилось 16, а младшему Яну 14 лет. Но семейная жизнь уже не наладилась. Гусак хотел, чтобы жена оставила не только Ц. Филчика, но и любимую работу, успешную театральную деятельность⁷⁵. Магда отказалась и подала на развод. Так закончился брак двух очень сильных и самодостаточных людей, каждый из которых жил своей собственной чрезвычайно наполненной и интересной жизнью и не пожелал расстаться с ней даже ради любимого человека и семьи.

Магда Гусакова-Локвенцова умерла внезапно от инсульта в 1966 г., немого не дожив до 50 лет. Г. Гусак всегда вспоминал о ней с большой любовью и уважением. В Словакии ее помнят и ценят, как первую женщину-режиссера, автора более 50 театральных и телевизионных постановок. Владимир Гусак так говорил о матери: «Я вспоминаю о ней как о чрезвычайно спокойном человеке. Она была милой, образованной, очень трудолюбивой, творческой и, кроме того, очень красивой женщиной. Она интересовалась литературой, музыкой, изобразительным искусством, театром, кино». Г. Гусак очень тяжело, по словам Владимира, переживал смерть бывшей жены и говорил сыну, что Магда была «самой большой его любовью»⁷⁶.

⁷⁴ *Rokoský J.* Amnestie nepoddajného väzňe Gustáva Husáka... S. 509.

⁷⁵ *Lindovská N.* Manželia Gustáv a Magda Husákovci. Pokus o riešenie tak zvanej ženskej otázky v praxi // *Kinčok B.* a kol. Op. cit. S. 68.

⁷⁶ Magda Husáková-Lokvencová: Od sociálnej utópie k divadelnej réžii // *Žurnal-Pravda*. 13.IX.2016. <https://zurnal.pravda.sk/portret/clanok/404836-magda-husakova-lokvencova-od-socialnej-utopie-k-divadelnej-rezii> (посещение сайта: 10.01.2018).

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	7
<i>Глава 1.</i> Детство. Юность. Учеба. Приобщение к политике	22
Магда Локвенцова-Гусакова	32
<i>Глава 2.</i> Образование Словацкого государства. Деятельность коммунистического подполья в начальный период Второй мировой войны. 1939–1942 гг.	35
<i>Глава 3.</i> «Свидетельство о Словацком национальном восстании»: Густав Гусак — адвокат Густава Гусака.	48
<i>Глава 4.</i> Словацкий вопрос на завершающем этапе Второй мировой войны. Позиция Г. Гусака в 1944–1945 гг.	67
<i>Глава 5.</i> Словакия 1945–1948 гг.: от декларированного равенства к фактическому государственно-правовому неравенству	95
Восстановленная Чехословакия. Общий взгляд	95
Три пражских соглашения	100
Политический кризис в Словакии. Февральский 1948 г. переворот в Праге	112
О руководстве КПС в 1945–1948 гг.: взгляд Г. Гусака спустя полтора десятилетия.	126
<i>Глава 6.</i> Обвинение в буржуазном национализме	129
«Острый курс» против реакции	129
Арест, тюрьма, суд, снова тюрьма.	137
<i>Глава 7.</i> Реабилитация и возвращение в политику	154
Два письма Г. Гусака в ЦК КПЧ о пересмотре его дела	154
Отмена обвинительного приговора	162
«Барнабитская комиссия»: итоги работы	164
Рост общественного интереса к решению словацкого вопроса	173
Рождение законопроекта о Чехословацкой федерации	178

<i>Глава 8.</i> 21 августа 1968 г. Вторжение в Чехословакию	
армий стран Варшавского договора.....	185
Умеренный реформатор: выход на международную политическую сцену ...	185
На переговорах в Москве.....	196
Начало политики «нормализации»	201
<i>Глава 9.</i> Во главе КПЧ.....	210
Апрельский 1969 г. пленум ЦК КПЧ и его первые последствия.....	210
«Усмирение» гуманитарной интеллигенции	215
Консолидация «здоровых сил»	222
Вера Гусакова-Мюллерова	230
На пути к президентскому креслу	232
<i>Глава 10.</i> На посту президента.....	238
Начало	238
Бег на месте. Трудности в восприятии идей советской перестройки.....	244
Визит М. С. Горбачева.....	251
<i>Глава 11.</i> Уход с политической сцены.....	256
Смещение с поста генсека КПЧ	256
Завершение политической карьеры.....	261
<i>Глава 12.</i> Одиночество. Кончина.....	273
<i>Послесловие.</i> Вместо заключения	277
<i>Приложение.</i> Избранные документы	289
1. Из статьи в «Pravde» 12 сентября 1944 г., опубликованной под псевдонимом P. Kolár	289
2. Из статьи «Словацкая революция», опубликованной в журнале «Nové slovo» 24 сентября 1944 г.....	290
3. Из статьи «Революционный порядок», опубликованной в газете «Pravda» 26 сентября 1944 г.....	291
4. Из статьи «Перед конференцией Коммунистической партии Словакии», опубликованной в газете «Pravda» 27 февраля 1945 г.....	291
5. Из доклада на конференции Коммунистической партии Словакии в Кошицах 28 февраля 1945 г.....	292
6. Из статьи «Куда идет Словакия?», опубликованной в журнале «Nové slovo» 2 июня 1945 г.	293
7. Из статьи «Год спустя», опубликованной в журнале «Nové slovo» 29 сентября 1945 г.....	294
8. Из интервью Г. Гусака редактору газеты «Rudé právo», опубликованного 25 сентября 1947 г.	294
9. Из радиовыступления 22 ноября 1947 г. о задачах вновь избранного Корпуса уполномоченных	295

10. Письмо Г. Гусака председателю правительства ЧСР Клементу Готвальду 23 февраля 1948 г.	296
11. Из выступления «Задачи словацкой интеллигенции» перед студентами в Братиславе 15 апреля 1948 г.	297
12. Из выступления «Конституция и Словакия» в Законодательном национальном собрании ЧСР 8 мая 1948 г.	298
13. Из статьи «Основа нашей свободы», посвященной пятой годовщине советско-чехословацкого договора 1943 г. и опубликованной в газете «Pravda» 12 декабря 1948 г.	299
14. Из прошения Г. Гусака о пересмотре его дела и реабилитации, направленного первому секретарю ЦК КПЧ А. Новотному 20 декабря 1962 г.	300
15. Из краткой автобиографии Густава Гусака	301
16. Из прошения Г. Гусака о пересмотре его дела и реабилитации, направленного первому секретарю ЦК КПЧ А. Новотному 20 декабря 1962 г.	304
17. Из прошения Г. Гусака о полной партийной реабилитации, направленного им в ЦК КПЧ 1 мая 1963 г.	307
18. Из решения Верховного суда в Праге от 28 июня 1963 г.	311
19. Из выступления Г. Гусака на съезде Коммунистической партии Словакии 28 августа 1968 г.	315
20. Из Конституционного закона о федерализации ЧССР от 27 октября 1968 г.	317
21. Из предисловия Г. Гусака ко второму изданию книги «Свидетельство о Словацком национальном восстании» 3 июня 1969 г.	322
22. Из интервью Г. Гусака пражскому корреспонденту агентства «Рейтер» 29 декабря 1973 г.	322
23. Из речи на митинге чехословацко-венгерской дружбы в Праге 12 апреля 1974 г.	323
24. Из доклада Президиума ЦК КПЧ «О выполнении решений XIV съезда КПЧ и задачах на 1975 год», произнесенного Г. Гусаком на пленуме ЦК КПЧ 27 ноября 1974 г.	323
25. Из заключительного выступления на совместном заседании Национального фронта ЧССР, ЧСР и ССР 16 апреля 1975 г.	324
26. Из выступления Г. Гусака на заседании президиума ЦК КПЧ 16 мая 1975 г. по вопросу о состоянии здоровья Л. Свободы и выбора нового президента ЧССР	325
27. Из ответов на вопросы журнала «Коммунист» о работе и итогах XXV съезда КПСС.	327
28. Из раздела «Вопросы внутрипартийной жизни и углубления руководящей роли партии» доклада Г. Гусака на XV съезде КПЧ	328
29. Поздравление, направленное Г. Гусаком 12 марта 1985 г. от имени ЦК КПЧ М. С. Горбачеву в связи с избранием его Генеральным секретарем ЦК КПСС	329

---

30. Выступление Г. Гусака на заседании ЦК КПЧ 12 декабря 1987 г. с предложением разделить функции генерального секретаря ЦК КПЧ и президента ЧССР.....	330
31. Выступление Г. Гусака по радио 9 декабря 1989 г. в связи с его уходом с поста президента ЧССР.....	331
V. V. Maryina. Last president of the socialist Czechoslovakia Gustav Husak: way to solitude (1913–1991).....	334
Список сокращений.....	335
Именной указатель.....	337